

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'276.6'42

Казими́рова Ольга Влади́мировна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
германской филологии
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

Volha Kazimirava

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Germanic Philology
Vitebsk State University
named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
okazimirova@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Статья посвящена выявлению лингвистических средств выражения категории имплицитности в англоязычном медиатексте. Установлено, что имплицитность реализуется через многоуровневые языковые средства, среди которых приоритетное значение имеют лексико-стилистические маркеры (образные средства языка, эмоционально-оценочная лексика, полисемантические слова). Проведенный анализ свидетельствует о высоком когнитивно-прагматическом потенциале лингвистических средств имплицитности, актуализирующих контекстуально обусловленные дополнительные смыслы и способствующих формированию преферентно-оценочного фона высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *имплицитность; медийный дискурс; медиатекст; языковые средства; адресант; адресат.*

LINGUISTIC MECHANISMS OF IMPLICIT MEANING REPRESENTATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXT

The article focuses on identifying the linguistic means used to express the category of implicitness in English-language media texts. The findings indicate that implicitness is realized through multilevel linguistic means, among which lexico-stylistic markers (figurative language, emotionally evaluative vocabulary, polysemic lexical units) are of the utmost importance. The analysis demonstrates a high cognitive-pragmatic potential of linguistic means of implicitness, which actualize contextually conditioned additional meanings and contribute to the formation of a preferential-evaluative background of the utterance.

Key words: *implicitness; media discourse; media text; linguistic means; addresser; addressee.*

Вопросы, связанные с исследованием механизмов репрезентации и декодирования имплицитной информации, обусловленных асимметрией между планом выражения и планом содержания, в последние годы становятся предметом пристального внимания в связи с развитием коммуникативно-дискурсивной парадигмы. В частности, осознание того факта, что адресат извлекает из высказывания значительно больший объем информации, чем

формально выражено в языковой форме, послужило отправной точкой для активного изучения феномена имплицитности в лингвистических исследованиях (см. работы П. Грайса, Дж. Лайонза, Н. Г. Брагиной, Е. Г. Борисовой, В. В. Дементьева, А. В. Бондарко и др.).

Вышесказанное особенно актуально в сфере современного медийного дискурса, в рамках которого имплицитные средства выполняют функцию манипулятивного речевого воздействия на адресата и реализуют преферентно-оценочные стратегии дискурса. Будучи латентным смысловым фоном коммуникации, имплицитность проявляется в том, что при вербализации событий действительности отдельные элементы денотативной ситуации не получают прямого языкового выражения [1; 2; 3; 4]. При этом реципиенту отводится ключевая роль в декодировании скрытой информации и восстановлении необходимых смысловых звеньев.

Цель статьи заключается в выявлении лингвистических средств передачи имплицитной информации в англоязычных медиатекстах. Материалом исследования послужили 45 проблемных статей из цифровых англоязычных авторитетных журналов (“The New Yorker”, “Time”, “Newsweek”, “The Spectator”) за 2025–2026 гг., охватывающих широкий тематический спектр актуальных вопросов общественной жизни (экономики, медицины, образования, науки и др.). Анализ семантики языковых единиц и специфики их функционирования позволяет интерпретировать высказывания и инферировать содержащийся в них имплицитный смысл с опорой на контекст.

Научная новизна работы заключается в систематизации языковых средств реализации имплицитности на материале современных англоязычных медиатекстов 2025–2026 гг. Особое внимание уделено анализу лексико-стилистических маркеров как наиболее значимых средств репрезентации имплицитных смыслов и их роли в формировании оценочного содержания медиатекста. Полученные результаты способствуют уточнению представлений о механизмах порождения и интерпретации имплицитного смысла, а также об особенностях его языковой объективации в современной медиакommunikации.

Обращаясь к генезису теоретических подходов, отметим, что в лингвистике сформировался целый ряд концепций, интерпретирующих феномен имплицитности. Так, представители теории «скрытой грамматики» усматривают имплицитные значения в грамматических формах [1, с. 134]. В данном случае имплицитность трактуется как формальная невыраженность отдельных элементов глубинной структуры высказывания.

В рамках семантико-морфологического направления имплицитность понимается как отсутствие формального выражения грамматических и лексико-грамматических категорий [5]. Ряд исследователей связывает имплицитность с семантическим и лексическим уровнями языка [6; 7, с. 23].

Нередко имплицитность сопоставляется с понятием *пресуппозиции*. Под последней понимаются фоновые знания и условия, обеспечивающие осмыс-

ленность и коммуникативную состоятельность высказывания [8, р. 120]. Однако имплицитность не тождественна пресуппозиции: если имплицитность связана с намеренным или вынужденным непрямым выражением смысла, то пресуппозиция опирается на уже известные адресату знания о языке, мире и ситуации общения.

Имплицитность находится в тесной корреляции с *импликацией*, поскольку идентификация имплицитных смысловых приращений в узуальных словоупотреблениях опирается на импликационные механизмы ассоциативного соотнесения концептов [9, с. 248].

С позиций когнитивной лингвистики имплицитность соотносится с процессами инференции, посредством которых адресат восстанавливает скрытые значения на основе языковой компетенции, контекстуальных маркеров и знаний о мире [10, с. 147]. Без подобных выводных операций зачастую невозможно устранить семантическую и структурную неоднозначность текста [11, с. 34; 12 р. 596].

В рамках лингвистики текста имплицитность понимается как дополнительный смысл, возникающий из соотношения элементов дискурса и реализуемый в контексте изображаемой ситуации [13, с. 103–104]. В этом же ключе имплицитность рассматривается как проявление подтекста, формируемого на основе фоновых знаний и культурных представлений носителей языка [14, с. 38–39].

Таким образом, комплексный анализ феномена имплицитности позволил исследователям выявить совокупность его системообразующих признаков, включающих ситуативную детерминированность, вариативность выбора языковых средств в процессе речепорождения, модальную обусловленность, тенденцию к семантической компрессии, а также уровневую интеграцию [15, с. 25].

В настоящей работе имплицитность трактуется как *коммуникативно-модусная* категория, обеспечивающая косвенную передачу эмоционально-оценочной информации и реализующаяся посредством широкого спектра разноуровневых языковых средств. В то же время имплицитность рассматривается как ситуативно обусловленное речекommunikативное явление, сопутствующее процессу порождения и восприятия речи. Ситуативная имплицитность предполагает учет прагматических факторов, а также имплицитных субъективно-модальных смыслов, актуализирующих эмоционально-оценочное отношение говорящего к объекту речи.

Как показывают результаты исследования (выявлено 137 языковых единиц репрезентации имплицитности), в англоязычных проблемных статьях наиболее востребованными маркерами реализации имплицитности являются **лексико-стилистические** средства (49,6 %). Так, доминирование лексических средств свидетельствует о ведущей роли коннотативного потенциала лексических выразительных средств (метафор, сравнений, эпитетов), эмоционально-оценочной окраски слов и их семантической неоднозначности.

В качестве примера проанализируем следующий фрагмент из медиатекста, посвященного обсуждению статуса высшего образования и социальной функции учебных заведений: *The hard truth is that higher education in the United States is **at a turning point**... For many Americans, universities appear more like **fortresses** than forums* (Time, 17.10.2025). Как показывает анализ, в рамках микротекста семантическая структура фразеологизма *at a turning point* (в значении ‘на переломном этапе’) содержит отрицательно-оценочную сему (‘a point at which a decisive change takes place; critical point; crisis’) [16], которая указывает на существующий внутренний диссонанс и кризис в современной системе образования. В этом контексте весьма интересен и тот факт, что лексема *fortress*, теряя положительную окраску (‘a place or source of refuge or support’) [17], приобретает значение недостижимости, недостижимости, имплицитно растущую дистанцию между университетами и внешним миром.

Рассмотрим еще один отрывок из медиатекста, в котором речь идет о влиянии современных игрушек с искусственным интеллектом на психологическое состояние детей: *Whether they arrive as disembodied voices, avatars on a screen, or irresistibly plush toys, these products represent **a fundamental break** from every toy that came before: they talk, listen, and respond in ways that feel startlingly human... And unbeknownst to them, today's parents – **like the citizens of Troy facing that famous wooden horse at the city's gates** – are at risk of welcoming **a would-be gift**... We still have time to look inside **the teddy bear at ours*** (Time, 19.12.2025). В данном случае говорящий, нивелируя прямую отрицательную оценку, прибегает к иронической характеристике современных интерактивных игрушек: лексема *gift* ‘подарок’ используется в переносном смысле и намекает на нечто сомнительное и негативное; пояснительный эпитет *would-be* ‘потенциальный’ усиливает ироническую модальность высказывания и имплицитно идею о том, что событие принесет нежелательный результат в будущем; лексема *teddy bear* ‘плюшевый мишка’, традиционно ассоциирующаяся с безобидностью, комфортом и безопасностью, в данном контексте подвергается ироническому переосмыслению. Контраст между привычным образом детской игрушки и обсуждаемыми технологическими новшествами актуализирует имплицитный смысл потенциальной опасности, скрываемой за внешней привлекательностью и кажущейся безобидностью модернизированных игрушек. Одновременно обращает на себя внимание устойчивое выражение *a fundamental break* ‘коренной перелом’, эксплицирующее отрицательную модальную оценку текущего положения дел – стремительный рост и внедрение интерактивных, высокотехнологичных игрушек на рынке. Примечательно также использование сравнения, основанного на обращении к прецедентному тексту *like the citizens of Troy facing that famous wooden horse*, значение которого интерпретируется как ‘нечто угрожающее или опасное, при этом хитро замаскированное под что-либо привлекательное’. Таким образом, прием сравнения

выступает средством репрезентации имплицитного авторского неодобрения – потенциальной опасности современных игрушек, маскируемой их внешней привлекательностью и кажущейся пользой.

Продemonстрируем еще один фрагмент из медиатекста, в котором сообщается о тенденции к тотальной роботизации в обществе. Автор полагает, что обслуживание робота (его создание, обучение, поддержка и т.д.) обходится гораздо дешевле для государства, чем содержание ребенка: ***Bots are becoming cheaper than babies*** (Newsweek, 12.12.2025). Здесь имплицитное «токсичное» сравнение (*bots – babies*) реализовано через контраст ценностей: человек противопоставляется роботу, где робот описывается как более экономически выгодный вариант. Это создает скрытую негативную оценку общества, в котором человеческая жизнь становится экономическим объектом, а не социальной ценностью: *if you can make labor cheap by making robots cheaper, the birthrate arithmetic changes quickly* (Newsweek, 12.12.2025).

Синтаксические средства передачи имплицитной информации составляют 29,9 % и представлены преимущественно безличными предложениями, вставными конструкциями и риторическими вопросами.

Так, превалирование безличных предложений (с конструкцией *it/there is*) обусловлено высокой степенью остроты поднимаемых в англоязычных статьях проблем, что позволяет автору минимизировать явную корреляцию содержания высказывания с собственной личностной позицией.

Иллюстрацией к сказанному служит фрагмент из проблемной статьи, в которой утверждается, что принципы разнообразия, равенства и инклюзивности являются основополагающими для качественной медицины: *Diversity, equity, and inclusion (DEI) isn't wasteful. It is necessary for good medicine... It is a matter of life and death* (Time, 18.11.2025). В этом случае посредством безличных оборотов *It is necessary for good medicine. It is a matter of life and death* адресант имплицитно транслирует установку, важную для него самого: убеждение в необходимости придерживаться и развивать обозначенные концепции в медицине. Конструкции с местоимением *it* в роли формального подлежащего выступают в качестве косвенных дискурсивных маркеров и акцентируют внимание адресата на значимости поднятой проблемы, от решения которой зависит дальнейшая жизнь пациентов.

В следующем фрагменте статьи говорится о том, что сегодня медицинские решения все чаще принимаются вне традиционной системы здравоохранения: под влиянием социальных сетей, альтернативных источников информации, телемедицины и искусственного интеллекта, тогда как врач оказывается лишь финальным «подтверждающим звеном»: *But, today, many groups – A.I. startups, wellness influencers, longevity entrepreneurs, МАНА acolytes – are vying for medical authority, often by chipping away at that of doctors* (The New Yorker, 30.12.2025). Так, автор использует вставную конструкцию *A.I. startups, wellness influencers, longevity entrepreneurs, МАНА acolytes*, оформленную в виде обособленного перечисления. Имплицитный

смысл формируется, прежде всего, за счет лексического противопоставления перечисленных субъектов традиционному институту врачебной экспертизы, тогда как синтаксическая организация высказывания акцентирует внимание на множественности альтернативных источников медицинского авторитета и усиливает эффект их конкуренции с традиционной медициной. В подобных реалиях альтернативная медицинская экспертиза превратится в один из конкурирующих источников знания на рынке здоровья: ... *A.I. will make sophisticated medical advice – the kind that has been limited by the availability of skilled practitioners – costless and commonplace over the next decade* (The New Yorker, 30.12.2025). Здесь вставное предложение *the kind that has been limited by the availability of skilled practitioners*, служащее инструментом передачи внутренней речи говорящего, приобретает имплицитную негативную оценку того, что до сих пор система здравоохранения недостаточно обеспечена высококвалифицированными медицинскими специалистами.

Еще одним продуктивным средством актуализации имплицитности в рамках синтаксических средств выступают риторические вопросы, смысловая неявность которых обусловлена отсутствием коммуникативной установки на получение ответа. Во-первых, отказ от необходимости ответной реплики позволяет адресанту в вопросной форме актуализировать собственные размышления, идеи и убеждения в дискурсивном пространстве медиатекста: *The speed at which agentic AI has spread throughout the workforce accelerated over the past year... The most pressing question for the era ahead: what will happen to human workers?* (Time, 03.01.2026). Во-вторых, отсутствие буквального ответа способствует объединению реципиентов, разделяющих с автором схожие ценностные установки: *The platform has become a core technology around the world, relied on by governments and extended families alike. What are we all doing there?* (The New Yorker, 20.01.2026). Здесь риторический вопрос служит средством актуализации ключевой проблемы, рассматриваемой в статье, – феномена глобального распространения мессенджера *WhatsApp*.

Следует отметить, что в медиадискурсе риторический вопрос, реализуя аттрактивную и экспрессивную функции, способствует концентрации внимания аудитории и усилению прагматического эффекта высказывания: *Headed for 'the worst of all worlds' is not where any of us would wish to find ourselves at the start of the new year. But that was the phrase used by the CBI economist Alpesh Paleja to sum up the predictions of member businesses... Whence cometh such pessimism?* (The Spectator, 05.05.2025). Приведенный выше отрывок иллюстрирует функционирование архаизированного риторического вопроса *Whence cometh such pessimism?* 'Ну откуда же, скажите на милость, берется этот пессимизм?', который, с одной стороны, манифестирует тонкую скрытую иронию, с другой – подталкивает читателя к анализу источников экономического пессимизма – высоких налогов, денежно-кредитной политики, нестабильности рынков, сокращения расходов и др. Говоря-

щий с помощью архаизированной формы создает эмоционально напряженную атмосферу, характеризующуюся пессимистическими ожиданиями и отсутствием веры в улучшение экономической конъюнктуры в будущем.

Нередко при помощи риторического вопроса адресант транслирует побуждение к действию, которое оказывается ненавязчивым, имплицитным: *Why we must pull the plug on superintelligence?* (The Spectator, 05.10.2025). *Is it possible to stay within the rhythm of one's own life, and somehow find it novel again?* (Time, 13.01.2026); репрезентирует субъективно-оценочную интерпретацию конкретного явления: *What happens when AI surpasses humans?* (The Spectator, 14.11.2025); усиливает эмоциональный тон высказывания, имплицитно утверждая или отрицая: *Could 2025 be a good year for UK equities – or don't you care...?* (The Spectator, 28.01.2025). *What happens when a bad-tempered, distractible doofus runs an empire?* (The New Yorker, 19.01.2026).

И, наконец, обратимся к **морфологическим** средствам, демонстрирующим наименьшую частотность (20,5 %), что указывает на их вспомогательный характер в экспликации имплицитности. По нашим наблюдениям, имплицитность на уровне морфологии выражается, главным образом, через стилистические приемы использования местоимений, прилагательных и наречий, категории времени, а также категориальные значения наклонения и модальности.

Несмотря на ограниченность морфологических форм, зафиксированы характерные случаи реализации имплицитности посредством личных местоимений *you, we* в обобщенном значении и их производных (*your, our, us*). Так, в следующем фрагменте из медиатекста утверждается, что ведущие медицинские университеты США по-прежнему осуществляют отбор с учетом расовой принадлежности, что, по мнению автора, препятствует развитию равных стартовых возможностей для кандидатов и сохранению единых профессиональных требований: *Being a good doctor doesn't come from your race. It comes from your training, your knowledge and your ability to empathize... And the patient... cares far more about whether you know what you're doing than what box you checked on your admissions application* (The Spectator, 21.07.2025). Адресант посредством *you/your* апеллирует к общечеловеческому опыту, профессионализму как универсальной ценности, невзначай приглашая реципиента к сопереживанию и эмоциональному отклику. В следующем предложении *We should not be afraid to say what common sense tells us* (The Spectator, 21.07.2025) личное местоимение *we* и его производное *us* выполняют функцию переноса авторских рассуждений на потенциального адресата, при этом обобщенное *we* интерпретируется как коллективное «каждый разумный человек».

Установлено, что в проблемных медиатекстах усиление имплицитно-смыслового потенциала высказывания достигается за счет активного использования усилительных наречий, выражающих высокую степень интенсивности признака (*terribly, awfully, fearfully, absurdly, too* и др.).

Подтверждением вышеуказанного положения служат следующие примеры: *They know that it is next to impossible to buy a house in this economy, and that AI is **dreadfully** impacting the job market...* (Time, 29.11.2025). *The animals have room... – a big improvement over the tiny wire boxes in which they would have been forced to live their entire lives in the past. But they still don't appear **terribly** happy* (Time, 11.11.2025). *One side displays computer re-creations of the accident, showing how **terribly** fragile life can be* (Time, 29.11.2025). Усилительные наречия не только интенсифицируют эмоционально-оценочный компонент высказывания, но и актуализируют дополнительные смысловые импликации. Так, наречие *dreadfully*, усиливая отрицательную оценку воздействия искусственного интеллекта на рынок труда, способствует актуализации дополнительных смыслов, связанных с возможными социальными и экономическими последствиями технологических изменений. В свою очередь, наречие *terribly*, интенсифицируя семантику лексем *happy* и *fragile*, повышает их коммуникативную значимость и способствует inferенции дополнительных смыслов, связанных с неудовлетворительным положением животных и уязвимостью человеческой жизни. Тем самым рассматриваемые интенсификаторы усиливают прагматический потенциал высказывания и способствуют актуализации дополнительных смыслов, выходящих за пределы их непосредственного лексического значения.

Рассмотрим еще один отрывок, в котором говорящий с помощью наречия *too* избегает эксплицитного выражения критической оценки: *New York is **too** fast. ... It is **too** slow. ... It is **too** empty. ... It is **too** full... Yet people continue to flock here* (The New Yorker, 05.05.2025). Здесь наречие *too*, обладающее усилительно-выделительной функцией, участвует в конструировании целостного оценочного поля города Нью-Йорк и имплицитно сигнализирует о противоречивой природе мегаполиса, заставляя читателя почувствовать дисбаланс городской жизни.

Анализ показывает, что значительным прагматическим потенциалом обладает функционирование различных временных форм в одном контексте. Так, противопоставление прошедшего и настоящего/будущего времен может указывать на трансформацию реальной ситуации или актуализировать причинно-временную корреляцию между текущими событиями и предшествующим опытом: *The old system **was** far from perfect, but a less demanding Progress 8 backed up by nebulous nonsense like 'civic engagement' and 'climate' **is not going** to help kids in places like Selston* (The Spectator, 07.11.2025). Так, имплицитный смысл высказывания формируется на основе противопоставления предшествующего и прогнозируемого состояния образовательной системы. При этом данное противопоставление получает языковое выражение посредством различных временных форм: прошедшего времени глагола *to be* и конструкции *to be going to*, обозначающей предполагаемое будущее. Использование указанных морфологических средств способствует актуализации сомнения в эффективности проводимой реформы и позволяет

имплицитно представить ожидаемые последствия изменений в образовательной политике как потенциально неблагоприятные для дальнейших образовательных возможностей и перспектив учащихся.

Особым прагматическим эффектом обладает неоднократное употребление говорящим длительных форм глагола. В следующем фрагменте из медиатекста, посвященном роли метана в изменении климата, высокая частотность продолженных глагольных форм настоящего времени *is contributing, is experiencing* используется для создания эмоциональной напряженности высказывания: *Scientists say methane **is contributing** to much of the extraordinary near-term warming the world **is experiencing**. The last two years were **the warmest** in recorded history and 2025 is on track to join the list as among **the hottest*** (Newsweek, 19.11.2025). Кроме того, наличие форм прилагательных в превосходной степени *the warmest, the hottest*, репрезентирующих уровень качества отрицательной оценки, косвенно фокусирует внимание реципиента на проблеме выбросов метана, которые представляют значительный риск для окружающей среды из-за их высокого потенциала в глобальном потеплении.

Исследовательский интерес вызывает использование категории наклонения в условных конструкциях, служащих средством актуализации прогнозируемых сценариев развития ситуации. В проблемных медиатекстах условные предложения первого типа употребляются для представления потенциальных последствий как вероятных и практически осуществимых. Благодаря этому автор получает возможность косвенно выразить оценку происходящих процессов и актуализировать дополнительные имплицитные смыслы, связанные с возможными результатами описываемых событий.

В следующем высказывании автор посредством условного предложения первого типа, оформленного глаголами в форме изъявительного наклонения, моделирует вероятный сценарий развития ситуации и тем самым косвенно ориентирует читателя на аналитическое осмысление проблемы неэффективности постепенных реформ: *If officers with a serious history of misconduct **continue to carry** a badge and gun, it **won't matter** how much piecemeal reform we try to enact* (Newsweek, 02.02.2025). Имплицитность в данном случае реализуется посредством системы пресуппозиций: офицеры, имеющие нарушения в послужном списке, продолжают выполнять служебные обязанности и представляют угрозу; реформы предпринимаются, но носят фрагментарный характер. Благодаря условной конструкции *If officers with a serious history of misconduct continue to carry a badge and gun, it won't matter how much piecemeal reform we try to enact* причинно-следственная связь между существующими недостатками системы и ограниченной эффективностью реформ представляется как вероятная и логически обоснованная, что позволяет автору косвенно выразить критическую оценку сложившейся ситуации без прямого призыва к конкретным действиям.

Заслуживают внимания случаи использования сослагательного наклонения, выступающего средством репрезентации гипотетических и альтерна-

тивных сценариев: *If MPs were paid more, Britain might attract a higher calibre of candidate – the sort typically found in the private sector – who, while more expensive, would ultimately deliver better results for the country* (The Spectator, 27.01.2026). Вышеприведенный фрагмент представляет собой условное предложение второго типа, оформленное с использованием форм сослагательного наклонения (*were paid, might attract, would deliver*), что придает ему гипотетический и ирреальный характер. Благодаря этому автор не утверждает наличие причинно-следственной связи между уровнем оплаты труда парламентариев и эффективностью государственного управления напрямую, а представляет ее в качестве вероятного сценария. Имплицитно при этом актуализируется представление о том, что существующая система материального стимулирования может ограничивать приток более квалифицированных специалистов в политическую сферу. Дополнительный прагматический эффект создается за счет эпистемической модальности, выраженной глаголом *might*, который снижает категоричность высказывания и побуждает адресата самостоятельно соотнести предлагаемый сценарий с возможными последствиями для качества государственного управления.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что категория имплицитности предстает одной из наиболее сложных и разноаспектных текстовых категорий, определяющей особенности коммуникации в медиасреде. Имплицитность рассматривается как неотъемлемый компонент смыслового содержания медиатекста и предполагает скрытую репрезентацию значения языкового выражения, непосредственно соотносясь с высказыванием или текстом в целом. Проведенный анализ демонстрирует, что установленные лингвистические средства реализации имплицитности обладают значительным когнитивно-прагматическим потенциалом, выражая помимо своего основного значения множественные индивидуально и контекстно обусловленные дополнительные смыслы. Интегративная функция подобных дискурсивных единиц проявляется в их значимости в структурно-содержательной организации медиатекста, его сюжетного развертывания и формировании нарративных стратегий, раскрытии ключевой смысловой линии текста. С учетом вышеизложенного, извлечение имплицитной информации осуществляется через взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов, интерпретацию эксплицитно выраженных коммуникативных элементов, что делает имплицитность одним из ключевых инструментов воздействия и постижения целостного смысла медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старикова, Е. Н.* Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е. Н. Старикова. – К. : Вища школа, 1974. – 142 с.
2. *Bach, K.* Conversational implicature / K. Bach // *Mind and language* / ed. Basil Blackwell. – Vol. 9. – No. 2. – 1994. – P. 124–162.

3. *Bertolet, R.* Where do implications come from? / R. Bertolet // *Canad. journal of philosophy*. – 1983. – Vol. 13. – No. 2. – P. 181–191.
4. *Bird, G.* Explicature, implicature and implicature / G. Bird // *Pragmatik: implikaturen und sprechakte* / ed.: E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verlag. – 1997. – P. 72–91.
5. *Whorf, B. L.* Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; introduction by John B. Carroll ; foreword by Stephen C. Levinson. – 2nd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2012. – 448 p.
6. *Никитин, М. В.* Лексическое значение слова / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
7. *Бондарко, А. В.* Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов в общей системе категоризации семантики / А. В. Бондарко // *Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф.* – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 22–33.
8. *Fillmore, Ch. J.* Types of lexical information / Ch. J. Fillmore // *Studies in syntax and semantics* / ed.: F. Kiefer. – Dordrecht : Reidel. – 1969. – P. 109–137.
9. *Приходько, А. И.* Семантика и прагматика оценки в современном английском языке : монография / А. И. Приходько. – Запорожье : ЗГУ, 2004. – 321 с.
10. *Масленникова, А. А.* Скрытые смыслы и способы их актуализации / А. А. Масленникова // *Актуализация предложения*. – СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 1997. – Т. 1 : Категории и механизмы / редкол.: А. В. Зеленщиков (отв. ред.). – С. 145–187.
11. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
12. *Kirkeby, O. F.* Cognitive science / O. F. Kirkeby // *The Encyclopedia of language and linguistics* / ed. R. E. Asher. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1994. – P. 593–600.
13. *Арнольд, И. В.* Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 300 с.
14. *Долинин, К. А.* Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // *Вопросы языкознания*. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
15. *Старикова, Е. Н.* Виды скрытого означивания в английском языке / Е. Н. Старикова // *Содержательные аспекты языковых единиц* / редкол.: Е. Н. Старикова (отв. ред.) [и др.]. – Киев : Вища школа, 1982. – С. 25–30.
16. *Collins Dictionary* : [electronic dictionary]. – Glasgow, 2025. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/turning-point> (date of access: 16.06.2026).
17. *Collins Dictionary* : [electronic dictionary]. – Glasgow, 2025. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/fortress> (date of access: 16.06.2026).

Поступила в редакцию 15.06.2026